

Научная статья

УДК 811.111

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-367-388

**Дискурсивно-семиотические особенности рассогласования
в кинокомедиях Л. Гайдая эпохи «оттепели»**

Диана Наилевна Серозеева¹

Мария Ивановна Киосе²

^{1,2} Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

² Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

¹ avisliberan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6340-5863>

² maria_kiose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

Аннотация

Исследование направлено на изучение дискурсивно-семиотической организации рассогласования как особой стратегии конструирования события в кинокомедиях Л. Гайдая. В статье предложена процедура анализа, которая устанавливает распределение рассогласования, сопровождающегося и не сопровождающегося эвфемизацией на разных дискурсивных уровнях с учетом семиотических средств его реализации. Результаты анализа указывают на варьирование в использовании вербального и визуального компонентов, определяющееся особенностями рассогласования и дискурсивным уровнем его проявления, а также на значимость социокультурного аспекта в конструировании события в комедиях Л. Гайдая эпохи «оттепели».

Ключевые слова

кинокомедия, рассогласование, семиотическая модальность, дискурсивно-параметрический анализ, эвфемизация, Л. Гайдай

© Серозеева Д. Н., Киосе М. И., 2024

Для цитирования

Серозеева Д. Н., Киосе М. И. Дискурсивно-семиотические особенности рассогласования в кинокомедиях Л. Гайдая эпохи «оттепели» // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 367–388. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-367-388

Discourse and Semiotic Analysis of Incongruity in Leonid Gaidai's Cinematic Comedies of Khrushchev's Thaw

Diana N. Serozeeva¹, Maria I. Kiose²

^{1,2} Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ avisliberan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6340-5863>

² maria_kiose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

Abstract

The research aims to study the discursive-semiotic arrangement of incongruity which ensures event construal in L. Gaidai's comedies. The article develops the analysis procedure which identifies the distribution of incongruity aligned and not aligned with euphemization in different discourse layers featuring the semiotic cues of their realization. The results specify the variance in the predominance of verbal and visual components mediated by both incongruity type and its discourse layer, as well as the significance of the sociocultural aspect in event construal in L. Gaidai's thaw comedies.

Keywords

comedy film, incongruity, semiotic modality, discursive-parametric analysis, euphemization, L. Gaidai

For citation

Serozeeva D. N., Kiose M. I. Discourse and Semiotic Analysis of Incongruity in Leonid Gaidai's Cinematic Comedies of Khrushchev's Thaw. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 367–388. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-367-388

Вводные замечания

Советское комедийное кино эпохи «оттепели» представляет особый интерес для изучения с точки зрения дискурсивно-семиотической организации кинотекста. В этот период значительно увеличилось количество выпускаемых фильмов, что было связано, с одной стороны, с тем, что на самом «верху» было отмечено отсутствие в советском кинематографе достойных комедий [Раззаков, 2018], с другой – с обновлением социального климата, ощущением большей творческой свободы, что вдохновило режиссеров на исследование новых жанров, поиски новых средств и приемов. Как отмечает современник Л. Гайдая режиссер И. Д. Фролов, к началу 1960-х гг. «под непосильным грузом нормативных требований к искусству кинокомедия докатилась до более чем плачевного состояния, смех полностью уступил место высокопарной назидательности» [Фролов, 1991, с. 15]. Именно комедиографам «оттепели» предстояло вывести комедию из этого состояния. Одним из таких выдающихся режиссеров комедийного профиля, несомненно, является Л. Гайдай, который «вернул заштампованному, закомпликантованному и зашедшему в тупик комедийному жанру главные его достоинства – непосредственность и веселье» [Там же]. Как отмечают современные исследователи киноискусства Л. Гайдая, «у него было кино, состоящее не из цитат, а из реприз» [Левченко, Шемякин, 2023, с. 10]. К его комедиям этого периода относятся прежде всего к/ф «Операция “БГ” и другие приключения Шурика» (1965) и «Бриллиантовая рука» (1968), которые привлекаются к анализу в данной работе. Первая комедия, наследница предыдущих успехов Гайдая в жанре эксцентрической комедии, представляет собой киносборник из трех новелл («Напарник», «Наваждение», «Операция “БГ”»), объединенных одним общим персонажем – студентом Шуриком. В этих новеллах, особенно в «Операции “БГ”» делается акцент на «физическом действии, гэгге, слэпстике и других чертах комедийного языка немого кино» [Липовецкий, 2023, с. 53]. Комедия «Бриллиантовая рука» заявлена как «кинороман в двух частях из жизни контрабандистов с прологом и эпилогом», в котором «сюжет сталинской эпохи о ловле шпионов и вредителей замаскирован под пародию на западную бондиану» [Там же, с. 58]. В рамках создаваемого жанра режиссер экспериментировал со способами и средствами реализации комического, которые проявляются прежде всего в особенностях рассогласования, или формирования контрастов [Hempelmann, Attardo, 2011] при организации дискурсивных событий разного типа, например социокультурных или

коммуникативных [Dijk, Kintch, 1983]. В то же время рассогласование в комедиях реализуется по-разному в разных семиотических модальностях – в динамическом изображении, речи / тексте и звуковом оформлении, на что указывается в работах, исследующих мультимодальный дискурс [Лотман, 1973; Агафонова, 2008; Зыкова, 2021а; Burrigge, 2012; Asseel, 2020]. В этом смысле изучение особенностей рассогласования в событиях разных типов с учетом семиотических средств его реализации в комедиях Л. Гайдая периода «оттепели» представляет особый интерес.

Методология и процедура исследования

В настоящей работе для изучения рассогласования в событиях кинодискурса и семиотических средств его реализации в кинокомедиях Л. Гайдая привлекается инструментарий полимодальной дискурсологии. Под дискурсивным событием, или дискурсивной ситуацией, мы понимаем «структурированное в сознании индивида знание о фрагменте действительности, объективированное с помощью комплекса языковых и невербальных средств» [Левицкий, 2019, с. 16]. Вслед за Т. ван Дейком и У. Кинчем [Dijk, Kintch, 1983], мы полагаем, что событие в кинодискурсе (как и в других типах дискурса) может быть реализовано на одном или нескольких уровнях: 1) уровне общекультурного знания, представляющего общие установки кинодискурса комедийного жанра (ДУ 1); 2) уровне социокультурного знания (типы участников по функциям, ролям) (ДУ 2); 3) уровне коммуникативного знания (задачи коммуникативного взаимодействия, глобальные и локальные речевые акты) (ДУ 3). Предположительно, рассогласование будет с разной частотностью проявляться в этих событиях; также оно может дополнительно сопровождаться эвфемизацией, что объясняется как внешними факторами (наличием цензуры), так и режиссерскими решениями (лудическая или ироническая эвфемизация, реализующая категорию комического [Сеничкина, Никитина, 2007; Burrigge, 2012, р. 71]).

Изучение рассогласования в событиях трех типов проводится с опорой на средства его реализации в речевой модальности (РМ), модальности динамического изображения (МДИ) и звуковой модальности (ЗМ), для типологизации и установления которых используется метод дискурсивно-параметрического анализа [Зыкова, Киосе, 2020; Зыкова, 2021а; Киосе, 2021]. В связи с тем, что комическое, по мнению ученых разных школ, часто связано с новизной восприятия, иносказательностью, уклончивостью образ-

ного языка [Лотман, Цивьян, 1994; Colston, 2015, p. 75], в качестве параметров рассогласования рассматриваются средства трех модальностей, реализующих когнитивно-дискурсивную операцию перефокусирования [Ирисханова, 2014], или смены фокуса при сближении разных областей знания, представляемого событиями в дискурсе. С опорой на типологии параметров, описывающих или соотносящихся с перефокусированием в речевой модальности [Зыкова, Киосе, 2020; Соколова, 2021], в модальности динамического изображения и звуковой модальности [Лотман, 1973; Лотман, Цивьян, 1994; Агафонова, 2008; Eitan, 2018] и определяющихся в комическом кинодискурсе рассматриваемого типа, в настоящей работе используется следующая система параметров, проявляющихся в рассогласовании и эвфемизации. К параметрам перефокусирования, проявляющимся на уровне РМ и на разных языковых уровнях, относятся звукоподражание и звукоимитация, фонетическое акцентирование, категориальная новация, смена регистров, использование лексических экспрессивов или эмотивов, тропов, смена профессиональных кодов, многозначность, синтаксическая фигура, графическое акцентирование и др. К параметрам перефокусирования на уровне МДИ относятся, например, типы и приемы монтажа, переключение между планами (средний – общий – крупный), изменение перспективы, формирование визуальных контрастов, искажение объекта. На уровне ЗМ в качестве таких параметров могут выступать изменение звукового регистра, сдвиг в локализации источника звука. В каждой из трех модальностей могут проявляться интердискурсивные вставки, которые также способствуют реализации перефокусирования.

Комедии общей продолжительностью 3 часа 09 минут были разделены на дискурсивные события, в которых определены случаи рассогласования и эвфемизации, а также семиотические средства их реализации с опорой на параметры перефокусирования. При анализе мы руководствовались следующей процедурой: 1) определение границ дискурсивных событий; 2) установление случаев рассогласования в дискурсивных событиях; 3) дискурсивно-параметрическое аннотирование и установление дискурсивной и семиотической организации рассогласования (и эвфемизации). Рассмотрим процедуру анализа на примере совместного использования рассогласования и эвфемизации в кинокомедии «Операция “БГ” и другие приключения Шурика».

На первом этапе анализа киноматериал был разделен на дискурсивные события. Основанием для выделения фрагмента кинодискурса как отдельного дискурсивного события являются трансформации в составе его ком-

понентов, представленных ниже [Dijk, 1997]: время и место коммуникативного события; социальные условия: предшествующие акты, социальные ситуации; институциональная среда; общие цели взаимодействия; участники и их социальные и коммуникативные роли; существующие на данный момент (ситуативные) отношения между участниками; глобальные (неситуативные) отношения между участниками; групповая принадлежность или категории участников (например, пол, возраст и т. д.). Как правило, на границе дискурсивных событий в кинокомедиях происходит изменение нескольких основных компонентов: времени и места, участников и целей коммуникации. Так, одно из событий в комедии начинается с установления места и времени, участников коммуникации, их ролей и целей: люди днем едут в переполненном автобусе, Федя (мужчина 40 лет) занял свободное сидение, поставив на него сумку с бутылками, рядом стоит беременная женщина. Пассажиры (лысый пассажир, женщина в шляпке) безрезультатно пытаются уговорить Федю уступить место. Шурик, притворившись слепым, вынуждает Федю освободить место. Однако, когда обман раскрывается, Федя приходит в ярость – начинается драка.

На втором этапе устанавливаются особенности рассогласования и эвфемизации как обеспечивающих перефокусирование в дискурсивном событии. Так, в

(1) Лысый пассажир интеллигентного вида: *Гражданин, уступите место, встаньте!*

Хамоватый Федя: *Если я встану, ты у меня ляжешь* (к/ф «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»),

определяется рассогласование в РМ: *встать*₁ ‘принять стоячее положение’ и *встать*₂ ‘занять позицию для удара’; *лечь*₁ ‘принять горизонтальное положение’ и *лечь*₂ ‘упасть в результате удара’, что обеспечивает комический эффект. Так как вместо более ожидаемых в настоящей ситуации выражений *ударить* и *упасть от удара* используются выражения, в которых значение насилия оказывается затушеванным, такие проявления оказываются одновременно и случаями эвфемизации. В МДИ рассогласование также проявляется в создании визуального контраста: интеллигентный пассажир и хамоватый Федя.

На третьем этапе определяются семиотические средства перефокусирования в рассогласовании и эвфемизации, а также тип события, которое они организуют. Так, в рассмотренном выше примере рассогласование в РМ реализуется с помощью многозначности *встать*₁ / *встать*₂ и *лечь*₁ / *лечь*₂;

а эвфемизация – с помощью категориальной новации глагола (инкоактивный глагол используется вместо активного глагола). В обоих случаях перефокусирование происходит на уровне коммуникативного знания (ДУ 3), так как наблюдается смена речевого акта – из неперформативного он становится перформативным, соответственно, трансформируются задачи коммуникативного взаимодействия. В МДИ рассогласование реализуется с помощью формирования визуальных контрастов (рис. 1), что трансформирует социокультурное знание об участниках (ДУ 2).



Рис. 1. Формирование визуальных контрастов
Fig. 1. Incongruous juxtaposition

В данном дискурсивном событии есть и другие случаи рассогласования, например, в РМ:

- (2) Пожилая женщина: *Гражданин, эти места специально для детей и инвалидов.*
Федя: *А она что, дети или инвалиды?;*
- (3) Пожилая женщина: *Она готовится стать матерью.*
Федя: *А я готовлюсь стать отцом!;*
- (4) Федя: *Ах ты зрячий! Сейчас будешь слепой* (к/ф «Операция “БГ” и другие приключения Шурика»).

В (2) наблюдаем использование морфологической ошибки (использование числа), использование антонимов при реализации рассогласования

в ДУ 2 (трансформация участников). В (3) рассогласование реализуется с помощью категориальной новации глагола и многозначности *готовлюсь* в ДУ 2, так как трансформируется роль участника события. В (4) наблюдаем использование антонимов и метонимии типа «действие – результат» (я ударю тебе в глаз – ты будешь слепой) в ДУ 3, так как высказывание приобретает статус перформативного. Дополнительно рассогласование поддерживается в МДИ и ЗМ. Так, после произнесения (4) Федя встает с места и бросается на Шурика. В МДИ в ДУ 2 наблюдаются приемы монтажа, переключение между планами (средний – общий – крупный), изменение перспективы (рис. 2) при трансформации «действия» объекта-автобуса.



Рис. 2. Переключение между планами и изменение перспективы
Fig. 2. Shot shifting and a change of perspective

В ЗМ определяется изменение звукового регистра, соотносящееся с изменениями в МДИ в ДУ 2. Рассогласование при этом проявляется в том, что такое движение автобуса невозможно само по себе и не может произойти из-за движения (пусть даже и драки) его пассажиров.

В результате анализа устанавливается распределение количества случаев рассогласования и эвфемизации в событиях трех дискурсивных уровней и в трех семиотических модальностях.

Специфика дискурсивной реализации рассогласования в трех семиотических модальностях

Представим данные, демонстрирующие количество событий с рассогласованием в двух кинокомедиях, а также случаи рассогласования в каждой из трех модальностей (табл. 1).

Полученные результаты демонстрируют, что доля событий с рассогласованием в обеих комедиях схожая (0.86 и 0.87), что свидетельствует о существовании общего распределения комических и некомических событий в их дискурсивной организации. В то же время наблюдаем и некоторые закономерности в распределении модальностей, реализующих рассогласование. Так, чаще рассогласование реализуется в речевой модальности и модальности динамического изображения, также частотны случаи сопряженной реализации рассогласования в РМ и МДИ. Продемонстрируем это примерами из обеих комедий.

Таблица 1

Полимодальная организация рассогласования
в событиях Л. Гайдая

Table 1

Multimodal organization of incongruity
in L. Gaidai's events

Модальность	«Операция “БГ” и другие приключения Шурика»	«Бриллиантовая рука»
РМ	35	62
МДИ	28	35
ЗМ	2	8
МДИ + РМ	22	52
МДИ + ЗМ	10	6
Всего событий	65	96
Всего событий с рассогласованием	56	84

Рассогласование, реализующееся в речевой модальности, наглядно демонстрирует пример из к/ф «Бриллиантовая рука»: по возвращении из по-

ездки Сеня проходит таможенный контроль и тщетно надеется получить у одного из работников инструкцию:

(5) Сеня: *Товарищ, мне уже уходить?*

Работник: *Да, проходите, товарищ, не задерживайте!*

Сеня: *Совсем?* (к/ф «Бриллиантовая рука»)

Неузальная семантическая сочетаемость выражения *уходить совсем* создает иллюзию того, что можно уходить неполностью, частично, что создает комический эффект. Как показал анализ, рассогласование в РМ часто реализуется через многозначность и сдвиг узального значения слова, экспрессивы, эмотивы, перцептивы, метафорический перенос и другие тропы, а также (модифицированные) фразеологизмы.

Рассмотрим случай рассогласования в модальности динамического изображения на примере из к/ф «Операция “Ы” и другие приключения Шурика»: Шурик идет к однокурснику, у которого надеется взять конспекты. Путь ему преграждают студенты, которые используют дверь в качестве доски и пишут на ней формулы. Когда Шурик выходит из комнаты после беседы, которая заняла 15 секунд экранного времени, он видит, что студенты успели заполнить формулами всю дверь и уже пишут на полу. Монтаж позволяет до абсурда сократить время, которое потребовалось бы на всё действие, а изменение нейтрального ракурса на низкий обеспечивает фокусирование на длине формулы и количестве записей. Отметим, что рассогласование в МДИ в основном представлено особенностями работы с монтажом (например, неуместное соположение кадров), перспективой (например, смена ракурса на наклонный), переключением между планами (с общего на крупный).

В примере (2) Пожилая женщина: *Гражданин, эти места специально для детей и инвалидов*. Федя: *А она что, дети или инвалиды?* (к/ф «Операция “Ы” и другие приключения Шурика») рассогласование реализуется в РМ при помощи стилистического повтора, синтаксической фигуры (анаколуфа) и синтаксической ошибки, которая приводит к логической противоречивости. Однако примечательно то, как усиливается эффект комического благодаря перераспределению фокуса в МДИ: в момент речи Феде кадр переключается на молодую женщину, при этом происходит сдвиг в локализации источника звука, и осуществляется смена среднего на маркированный крупный план.

Семиотические средства, реализующие рассогласование в сопряженных модальностях, могут включать в себя процессы на фонетическом

уровне ((не)намеренная ошибка, фонетический окказионализм) в (6), (7), смену регистров коммуникации, смену социально-территориального кода, смену языкового кода (8), (9), экспрессивы и эмотивы, эллиптические конструкции (парцелляцию), инверсию (7), независимую автосемантию (8), тавтологичность.

(6) Лёлик: Смотри, не перепутай! Тра[у]ма. Все достоверно. Как говорит наш дорогой шеф, в нашем деле главное – этот самый, реализ'м! Ха-ха-ха-ха-ха. Ну, пора, тур[ы]ст!

(7) Лёлик: Лейтенант // старшой // я.

(8) Гена: Что делать – такова се ля ви, как говорят у них.

(9) Гена: Бонжур, мадам, пардон. Я счастлив вас приветствовать в этом скромном, уютном... (к/ф «Бриллиантовая рука»)

Рассогласование при этом поддерживаются визуальным компонентом, например неуместным соположением участников (рис. 3).



Рис. 3. Лёлик провожает Гену. Неуместное соположение
Fig. 3. Lyolik is seeing Gena off. Incongruous juxtaposition

Значительно реже рассогласование реализуется в звуковой модальности. Например, несоответствие окраски музыкального сопровождения общему тону дискурсивного события: в сцене на корабле в к/ф «Бриллиантовая рука» минорный лад песни «Остров невезения» противопоставлен задорному танцу Гены. Однако в основном звуковое оформление представляет собой фон, а не фигуру и передает общее настроение ситуации (погоня – быстрый темп музыкального сопровождения).

Далее рассмотрим дискурсивные уровни, на которых осуществляется рассогласование. Из табл. 2 видно, что рассогласование в РМ и МДИ чаще реализуется на ДУ 2.

Приведем пример реализации рассогласования в РМ на ДУ 2. В (10) Трус зазывает покупателей:

(10) *Граждане новоселы! Внедряйте культурку: вешайте коврики на сухую шtukатурку* (к/ф «Операция “Ы” и другие приключения Шурика»).

Уменьшительный суффикс *-к-* придает наименованию *культурка* негативную оценку, а упоминание *сухой шtukатурки* активизирует оппозицию *возвышенное / низменное*, что на ДУ 2 выводит в фокус особенности социальной среды персонажа.

Рассмотрим пример рассогласования в МДИ на ДУ 2. В к/ф «Бриллиантовая рука» в очереди на контроль багажа стоят пассажиры – все в солнечных очках. В солнечных очках даже собака, сидящая на руках у хозяйки. Создается противоречие на уровне ДУ 2 «социокультурного знания» (роль: собака путешествует, как человек).

Таблица 2

Дискурсивная организация рассогласования
в семиотических модальностях

Table 2

Discursive organization of incongruity in semiotic modalities

Кинофильм	ДУ	Модальность				
		РМ	МДИ	ЗМ	РМ + МДИ	МДИ + ЗМ
«Операция “Ы” и другие приключения Шурика»	1	10	3	1	1	3
	2	22	25	1	19	7
	3	0	0	0	2	0
«Бриллиантовая рука»	1	3	2	7	5	3
	2	46	29	1	41	3
	3	13	4	0	6	0

Рассогласование на третьем уровне дискурса в основном представлено через РМ. Например, в (11) Лида указывает на дырку в штанах Шурика.

(11) Лида: *Саша! Что это у Вас?*

Шурик: *Где?*

Лида: *Вот!*

Шурик: *Собака!* (к/ф «Операция “Ы” и другие приключения Шурика»).

Благодаря многозначности слова *собака* осуществляется перефокусирование на ДУ 3 – уровне коммуникации: *собака*₁ – непосредственная причина неприятной ситуации, *собака*₂ – эмотив, употребляемый ‘о злом, жестоком, грубом человеке’¹.

Отметим, что случаев рассогласования непосредственно на уровне дискурса не так много: их появление, как правило, связано с жанровыми или интердискурсивными вставками. По наблюдению И. В. Зыковой, «так называемым базовым дискурсом в кинокомедиях выступает художественно переработанный и эстетически адаптированный повседневно-разговорный дискурс со свойственным ему использованием нейтрально-разговорной и нейтрально-официальной лексики» [Зыкова, 2021б, с. 18]. Однако И. В. Зыкова отмечает присутствие в кинодискурсе интердискурсивных вставок, под которыми она понимает «группы языковых показателей (маркеров) намеренного, прагматически и/или художественно-эстетически обусловленного введения в определенный дискурс элементов других дискурсов, оказывающего разное воздействие на лингвокреативное моделирование этого дискурса» [Там же, с. 14].

Примером такой интердискурсивной вставки в изучаемых комедиях может служить религиозный дискурс. В к/ф «Бриллиантовая рука» отчаявшийся Гена видит мальчика, идущего по воде, над головой ребенка – нимб (рис. 4). Формируется оппозиция низменное / возвышенное. Религиозный дискурс, реализуемый через РМ (звучит молитва «Господу помолимся. Господи, помилуй») и ЗМ (звон колоколов), противопоставляется бытовому дискурсу, точнее элементам повседневности в МДИ (Гена несет

¹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.

не хоругвь, а палку, на которой висит нижнее белье Лёлика), что создает эффект комического на ДУ 1.



Рис. 4. Интердискурсивная вставка: религиозный дискурс
Fig. 4. An interdiscourse insertion: religious discourse

Специфика дискурсивной реализации рассогласования и эвфемизации в трех семиотических модальностях

Рассмотрим данные, демонстрирующие количество событий с одновременным использованием рассогласования и эвфемизации и их дискурсивно-семиотическую организацию (табл. 3, 4).

Таблица 3

Полимодальная организация рассогласования и эвфемизации в событиях Л. Гайдая

Table 3

Multimodal organization of euphemization in L. Gaidai's events

Модальность	«Операция “БГ” и другие приключения Шурика»	«Бриллиантовая рука»
PM	13	18
МДИ	2	3
ЗМ	0	0
МДИ + PM	3	6
МДИ + ЗМ	2	0
Всего событий	65	96
Всего событий с эвфемизацией	14	27

Таблица 4

Дискурсивная организация совместного появления эвфемизации
и рассогласования в семиотических модальностях

Table 4

Discursive organization of the co-occurrence of euphemisation
and incongruity in semiotic modalities

Кинофильм	ДУ	Модальность				
		PM	МДИ	ЗМ	PM + МДИ	МДИ + ЗМ
«Операция “Ъ” и другие приключения Шурика»	1	0	0	0	0	1
	2	9	2	0	1	1
	3	4	0	0	2	0
«Бриллиантовая рука»	1	0	0	0	0	0
	2	11	2	0	3	0
	3	7	1	0	3	0

Согласно результатам, случаев совместной реализации обеих стратегий значительно меньше, чем случаев рассогласования: 0.22 и 0.28 по сравнению с 0.86 и 0.87. Полученные данные свидетельствуют, тем не менее, о наличии закономерностей в конструировании кинодискурса Л. Гайдая. Ожидаемо случаи совместной реализации наблюдаются в речевой модальности. Рассмотрим пример из к/ф «Бриллиантовая рука»: контрабандисты общаются на выдуманном языке (звукоподражание / звукоимитация в паре со сменой лингвoseмиотического кода), при этом закадровый голос выборочно «переводит» фразы. Так, например, реплика Контрабандиста 1 длится 6 000 мс, а ее перевод всего 1 050 мс, из чего можно заключить, что часть сообщения подвергается эвфемизации:

(12) *Порко мадонна ди ум бесто перь бако кастелла де мембрано хемаро инчесо сарвело чец хан дурала!* (перевод: *Простите, погорячился*) (к/ф «Бриллиантовая рука»).

К наиболее частотным средствам реализации рассогласования и эвфемизации в речевой модальности относятся многозначность (в том числе энантиoseмия, полисемя), стилистические тропы, сдвиг узуального зна-

чения, единицы с диффузной семантикой, эллиптические конструкции и синтаксическая незавершенность.

Меньшую частотность имеют случаи реализации рассогласования и эвфемизации в нескольких модальностях: в (13) сдвиг узуального значения слова *сработаемся* сопровождается компонентами МДИ (демонстрация Федей физической силы), которые актуализируют новое значение лексемы. Так, *сработаться*₁ ('достичь полного согласия, согласованности в работе') интерпретируется зрителем как *сработаться*₂ ('получиться побить, отомстить').

- (13) Шурик [Феде, стоящему к нему спиной]: *Ну, теперь пороботаем.*
Федя [поворачивается]: *Сработаемся.* [гнет металлический прут, раздвигает батарею, ломает кирпич о голову] (к/ф «Операция "БГ" и другие приключения Шурика»).

Также возможна реализация рассогласования и эвфемизации в МДИ: в примере (14) Лёлик сначала кричит на Гену и ударяет его, затем обращается к нему тихо и жалостливо. В этот момент, однако, крупным планом показана кошка, облизывающая горлышко бутылки, а поверженный Гена остается за кадром (рис. 5). Таким образом, в МДИ обеспечивается перефокусирование:

- (14) Лёлик: *Поехали!* [кричит и ударяет Гену] *Поехали, Геша* [жалостливо и тихо] (к/ф «Бриллиантовая рука»).



Рис. 5. Маркированные типы и приемы монтажа
Fig. 5. Marked types and techniques of montage

Как известно, соположение двух кадров не просто суммирует их смыслы, а создает некоторый новый третий смысл. Именно поэтому такие средства, как маркированные типы и приемы монтажа, изменение перспективы, частотны при реализации эвфемизации и рассогласования. Далее

рассмотрим дискурсивные уровни, на которых осуществляется совместная реализация эвфемизации и рассогласования (см. табл. 4).

Из табл. 4 следует, что рассогласование и эвфемизация в основном реализуются в РМ на ДУ 2. Рассмотрим пример:

(15) Лёлик: *Клев будет, это я беру на себя! Клевать будет так, что клиент позабудет обо всем на свете!* (к/ф «Бриллиантовая рука»).

В данном дискурсивном событии участники планируют применить силу к Сене. При этом эвфемистичное наименование *клиент* осуществляет перефокусирование с понятия 'жертва' на 'лицо, пользующееся услугами', тем самым выводя на первый план социально приемлемый характер действия.

Рассогласование и эвфемизация на ДУ 3 также в основном реализуются в РМ. Так, рассмотренный ранее пример (13) демонстрирует сдвиг в интерпретации прагматической функции *сработаемся*: если прораб рассматривает акт как комиссив (Прораб: *Ну, я вижу, Вы сработаетесь*), то Шурик видит в нем акт угрозы.

Несмотря на то что эвфемизация не встречается непосредственно на ДУ 1, она имеет высокий потенциал при конструировании не только непосредственного дискурсивного события, но (при условии рекуррентности) и дискурса в целом. В двух дискурсивных событиях в фильме «Бриллиантовая рука» в кадре появляется рука с перстнем. В сознании зрителя она начинает ассоциироваться с шефом – главой банды контрабандистов, которого зрителю не показывают (киностилистический прием (метонимия)). Когда зритель видит в кадре важного метрдотеля в «Плакучей Иве» и замечает перстень на его правой руке, а затем слышит, как Гена сообщает Лёлику, что «сам шеф здесь», то невольно заключает, что метрдотель и есть тот самый шеф (рис. 6).



Рис. 6. Киностилистический прием метонимии
Fig. 6. Cinematic stylistic device of metonymy

Такая рекуррентность в реализации рассогласований или рассогласований с эвфемизацией способствует формированию дискурса рассмотренной кинокомедии, обеспечивая связность дискурсивных событий.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что событие в комедиях Л. Гайдая конструируется при помощи рассогласования в основном в речевой модальности, модальности динамического изображения и при сопряжении двух указанных модальностей, а также эвфемизации и рассогласования в основном в речевой модальности, что указывает на высокий потенциал вербального и визуального компонентов в реализации комического. Анализ также показывает преобладание рассогласования и эвфемизации на 2-м дискурсивном уровне (уровне социокультурного знания), что подчеркивает интерес режиссера к социальной проблематике. Семиотические средства, примененные в анализируемых комедиях, представляют собой инструментарий, доступный и предшественникам Л. Гайдая. Однако благодаря особой дискурсивно-семиотической организации события в комедиях именно Л. Гайдаю удалось добиться того, чтобы «средства, бывшие при своем рождении чуть ли не элементами балагана, теперь наполнились социальным и психологическим содержанием и оказались способными влиять на сложившуюся поэтику кинематографа, обогащая и всё более совершенствуя ее» [Фролов, 1991, с. 31].

Список литературы

Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. 392 с.

Зыкова И. В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021а. С. 100–189.

Зыкова И. В. Интердискурсивные параметры лингвокреативности (на материале кинодискурса) // Критика и семиотика. 2021б. № 2. С. 11–29.

Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСК, 2014. 320 с.

Киосе М. И. Текстовая и дискурсивная лингвокреативность детской приключенческой повести в англоязычной литературе // Вестник Том. гос. ун-та. 2021. № 466. С. 5–15.

Левицкий А. Э. Дискурсивная ситуация и проблема понимания в аспекте референтности и коммуникативности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 12–22.

Левченко Я., Шемякин А. Два предисловия от людей разных поколений // Человек с бриллиантовой рукой. К 100-летию Леонида Гайдая. М.: НЛЮ, 2023. С. 6–12.

Липовецкий М. Трикстеры у Гайдая // Человек с бриллиантовой рукой. К 100-летию Леонида Гайдая. М.: НЛЮ, 2023. С. 51–67.

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. 135 с.

Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин: Александра, 1994. 214 с.

Раззаков Ф. И. Леонид Гайдай. Любимая советская комедия. М.: Родина, 2018. 288 с. (Серия: Наше всё)

Сеничкина Е. П., Никитина И. Н. Иронические эвфемизмы как примета времени // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3-3. С. 199–201.

Соколова О. В. Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент. 2021. С. 258–362.

Фролов И. Д. В лучах эксцентрики. М.: Искусство, 1991. 192 с.

Asseel D. A. Seeing the unseen: Euphemism in animated films: A multimodal and critical discourse analysis. PhD Diss. Lancaster University, 2020. 374 p.

Burridge K. Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages // Lexis. 2012. Vol. 7. P. 65–92.

Colston H. Using Figurative Language. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2015. 284 p.

Dijk T. A. van. Cognitive Context Models and Discourse. In: Stamenow M. (ed.). Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 189–226.

Dijk T. A. van, Kintch W. Strategies of Discourse. New York: Academic Press, 1983. 427 p.

Eitan Z. Cross-modal experience of musical pitch as space and motion // Wollner C. (ed.). *Body, Sound and Space in Music. Multimodal Explorations*. Routledge, 2018. P. 49–68.

Hempelmann Ch. F., Attardo S. Resolutions and their incongruities: Further thoughts on Logical Mechanisms // *Humor*. 2011. Vol. 24, no. 2. P. 125–149.

References

Agafonova N. A. *Obshchaya teoriya kino i osnovy analiza fil'ma* [General theory of cinema and the foundations of film analysis]. Minsk, Tesey Publ., 2008, 392 p. (in Russ.)

Asseel D. A. *Seeing the unseen: Euphemism in animated films: A multi-modal and critical discourse analysis*. PhD Diss. Lancaster University, 2020, 374 p.

Burridge K. *Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages*. *Lexis*, 2012, vol. 7, pp. 65–92.

Colston H. *Using Figurative Language*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2015, 284 p.

Dijk T. A. van. *Cognitive Context Models and Discourse*. In: Stamenow M. (ed.). *Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness*. Amsterdam, Benjamins, 1997, pp. 189–226.

Dijk T. A. van, Kintch W. *Strategies of Discourse*. New York, Academic Press, 1983, 427 p.

Eitan Z. Cross-modal experience of musical pitch as space and motion. In: Wollner C. (ed.). *Body, Sound and Space in Music. Multimodal Explorations*. Routledge, 2018, pp. 49–68.

Frolov I. D. *V luchah ekstsentrki: O kinorezhissere L. Gaidae* [In the Rays of Eccentricity: About cinema director L. Gaidai]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, 192 p. (in Russ.)

Hempelmann Ch. F., Attardo S. Resolutions and their incongruities: Further thoughts on Logical Mechanisms. *Humor*, 2011, vol. 24, no. 2, pp. 125–149.

Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus shifts in the language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, 320 p. (in Russ.)

Kiose M. I. *Tekstovaya i diskursivnaya lingvokreativnost' detskoj prikl'yuchcheskoj povesti v angloyazychnoi literature* [Text and discourse linguistic

creativity of children's English-language adventure fiction]. *Tomsk State University Journal*, 2021, no. 466, pp. 5–15. (in Russ.)

Levitsky A. E. Diskursivnaya situatsiya i problema ponimaniya v aspekte referentnosti i kommunikativnosti [Discourse situation and the problem of understanding within the aspects of reference and communication]. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 12–22. (in Russ.)

Levchenko Ya., Shemyakin A. Dva predisloviya ot lyudei raznykh pokolenii [Two prefaces from people of different generations]. In: *Chelovek s brilliantovoi rukoi. K 100-letiyu Leonida Gaidaya* [The man with a diamond arm. On the occasion of the centenary of the birth of Leonid Gaidai]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, pp. 6–12. (in Russ.)

Lipovetsky M. Trikstery u Gaidaya [Gaidai's tricksters]. In: *Chelovek s brilliantovoi rukoi. K 100-letiyu Leonida Gaidaya* [The man with a diamond arm. On the occasion of the centenary of the birth of Leonid Gaidai]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, pp. 51–67. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of cinema and problems of film aesthetics]. Tallinn, Eesti Raamat, 1973, 135 p. (in Russ.)

Lotman Yu., Tsivyan Yu. Dialog s ekranom [Dialogue with the Screen]. Tallinn, Aleksandra, 1994, 214 p. (in Russ.)

Razzakov F. I. Leonid Gaidai. Lyubimaya sovetskaya komediya [Leonid Gaidai. Favorite Soviet Comedy]. Moscow, Rodina Publ., 2018, 288 p. (in Russ.)

Senichkina E. P., Nikitina I. N. Ironicheskie evfemizmy kak primeta vremeni [Ironic euphemisms as a sign of time]. *Almanac of modern science and education*, 2007, no. 3-3, pp. 199–201. (in Russ.)

Sokolova O. V. Lingvokreativnost' v reklamnom i poeticheskom diskursakh [Linguistic creativity in advertising and poetic discourse]. In: Zykova I. V. (ed.). *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: predely i vozmozhnosti* [Linguistic creativity in different types of discourses: Its Limits and Possibilities]. Moscow, Valent Publ., 2021, pp. 258–362. (in Russ.)

Zykova I. V. Interdiskursivnye parametry lingvokreativnosti (na materiale kinodiskursa) [Interdiscursive Parameters of Linguistic Creativity (The Case Study of Cinematic Discourse)]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2021, no. 2, pp. 11–29. (in Russ.)

Zykova I. V. Lingvokreativnost' v kinodiskurse [Linguistic creativity in cinematic discourse]. In Zykova I. V. (ed.). *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: predely i vozmozhnosti* [Linguistic creativity in different types of

discourses: Its Limits and Possibilities]. Moscow, Valent Publ., 2021, pp. 100–189. (in Russ.)

Zykova I. V., Kiose M. I. Parametrizatsiya lingvisticheskoi kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs diskurs detskoi literatury [Linguistic creativity parametrization in contrasting discourse types: Cinematic discourse vs discourse of children's literature]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2020, vol. 2, pp. 26–40. (in Russ.)

Информация об авторах

Диана Наилевна Серозеева, соискатель степени кандидата филологических наук

RSCI Author ID 924186

SPIN 9656-2356

Мария Ивановна Кiose, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 56642747500

WoS Researcher ID AAB-7989-2019

RSCI Author ID 341964

SPIN 4419-0090

Information about the Authors

Diana N. Serozeeva, PhD Student (Philology)

RSCI Author ID 924186

SPIN 9656-2356

Maria I. Kiose, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 56642747500

WoS Researcher ID AAB-7989-2019

RSCI Author ID 341964

SPIN 4419-0090

Статья поступила в редакцию 01.02.2024;

одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024

The article was submitted on 01.02.2024;

approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024